

С.Г. Максимова

Д.А. Омельченко

О.Е. Ноянзина

Максимова С.Г.¹, Омельченко Д.А.², Ноянзина О.Е.³

^{1,2} Алтайский государственный университет

³ Министерство культуры Российской Федерации

^{1,2} 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

³ 105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, 19, стр.1

¹svet-maximova@yandex.ru; ²daria.omelchenko@mail.ru; ³noe@list.ru

Духовная безопасность приграничных регионов в оценках жителей с различным уровнем религиозности: имеет ли вера значение?

Аннотация. Процессы социальной дифференциации населения, социальной и культурно-ценностной разобщённости, составляющие угрозы духовной безопасности, в российском обществе оказываются тесным образом сопряжены с этнокультурными и конфессиональными особенностями российских регионов. В статье представлены результаты социологических исследований в четырёх приграничных регионах России (Алтайский край, Новосибирская область, Республика Алтай, Республика Тыва, n=1600), различающихся по экономическим показателям, этническому и конфессиональному составу населения. Духовная безопасность исследуется через субъективные оценки воспринимаемой личной безопасности, защищённости духовной жизни, социальные настроения, взаимосвязи с уровнем религиозности, измеряемой на основе многомерного индекса центральности религиозности Ш. Хубера. Выявляются угрозы духовной безопасности, значимые для всего населения и уникальные для отдельных регионов, анализируются паттерны ассоциаций, описывающие особенности восприятия ситуации в духовной сфере с позиций верующих и неверующих граждан и указывающие на ценностный раскол в оценке актуального состояния и перспектив общественного развития.

Ключевые слова: духовная безопасность, приграничные регионы, конфессиональное разнообразие, религиозность, информационные угрозы, идеологический кризис

Svetlana G. Maximova¹, Daria A. Omelchenko², Oksana E. Noyanzina³

^{1,2} Altai State University

³ Ministry of Culture of the Russian Federation

^{1,2} 66 Dimitrova str., Barnaul, 656049, Russia

³ build. 1, 19 Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia

¹svet-maximova@yandex.ru; ²daria.omelchenko@mail.ru; ³noe@list.ru

Spiritual Security in Border Regions Evaluated by People with Different Levels of Religiousness: Does Faith Matter?

Abstract. The processes of social differentiation and social and cultural-value division, which undermine the foundations of spiritual security, are closely associated with the ethno-cultural and confessional characteristics of Russian society. The article presents the results of a sociological study conducted in four border regions of Russia with different levels of socio-economic development and ethnic and confessional composition (Altai Territory, Novosibirsk Region, Altai Republic, Tuva Republic, n = 1600). Spiritual security was assessed through subjective assessments of perceived personal safety, religious security, social well-being, and relationships with the level of religiosity, as measured by the multi-dimensional index of religious centrality developed by S. Huber. The authors identify threats to spiritual security that are significant for the entire population and unique to individual regions, analyzing patterns of associations between these threats. They describe the peculiarities how believers and non-believers perceive the situation in the spiritual realm, pointing to a value divide in their assessment of the current state of social development and its prospects.

Key words: spiritual security, border regions, religious diversity, religiosity, information threats, ideological crisis

Введение

В XXI веке связь между религией и безопасностью (religion-security nexus) актуализировалась прежде всего из-за обострения проблемы международного терроризма, интенсивных миграций и провала мультикультурализма как геополитического проекта, а также общественных дебатов о нерешённых проблемах политики интеграции и управления этнокультурным разнообразием [Bakar et al. 2004; Goldewijk 2007; Sauer 2009; Kirton, Greene, 2021]. В итоге сформировались подходы, подчёркивающие амбивалентный характер таких взаимосвязей, возможности религии как в продвижении мира и безопасности [Smock, 2006], так и в провоцировании напряжённости, усилении поляризации и разжигании религиозно мотивированных конфликтов. В отношении безопасности это отразилось на переносе фокуса в сторону обеспечения её устойчивости, определяемой не только как отсутствие угроз физической безопасности, но также наличие социально-экономических, политических, психологических и духовных условий, необходимых для благополучия и долгосрочной стабильности [Seiple, Hoover, Otis, 2013].

Некоторые авторы при этом выделяют «религиозную безопасность», «конфессиональную безопасность», «духовную безопасность» в качестве основных категорий анализа и предлагают различные подходы к их пониманию и смысловому наполнению. Примечательно, что научного дискурса о религиозной безопасности в западной литературе как такового не существует, тогда как в российских реалиях он разворачивается через дискуссию о религиозных правах и свободах, противостоянии секулярных и десекулярных тенденций, а также традиционных и нетрадиционных религий, которые в многих исследованиях рассматриваются исключительно как деструктивные и несущие угрозу традиционным основам российской ментальности [Жуков, 2017]. В последнем случае под религиозной безопасностью понимается «состояние стабильного и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России, составляющих российскую нацию», а «одним из основных объектов защиты становится религиозная традиционность и идентичность этносов, народов России, исторически сложившаяся в условиях многоконфессиональности и полиэтничности» [Овчинников, Фоминская, 2014].

Термин «конфессиональная безопасность» встречается в основном в политологических исследованиях в контексте анализа государственно-конфессиональных отношений. Так, в исследовании А.И. Шустевой система государственно-конфессиональной безопасности определяется через функционирование политико-правовых технологий и институтов государственного вмешательства, контроля и регулирования, обеспечивающих конструктивный диалог конфессий и государства и способствующих нейтрализации угроз и разрешению этноконфессиональных и межконфессиональных конфликтов, а также препятствующих разрушению единого духовно-нравственного пространства страны [Шустева, 2008]. М.С. Топчиев подчёркивает, что конфессиональная безопасность касается не столько сохранения конфессии и её культовой оболочки, сколько предотвращения конфликтов на конфессиональной почве, и включает в себя наличие системы условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающей или, по крайней мере, смягчающей конфликты, связанные с конфессиональной (религиозной) принадлежностью [Топчиев, 2012].

Понятие «духовная безопасность» является довольно расплывчатым и часто рассматривается в контексте траекторий духовного развития России в необходимости сохранения традиционных нравственных ценностей и норм, разрушающихся под влиянием глобальных культурных изменений. В частности, ряд авторов указывают на угрозы духовности, обусловленные взаимовлиянием религиозности и мультикультурализма современных обществ. Анализируя состояние духовной сферы российского общества, многие авторы описывают его как кризисное, состояние духовного «раскола» [Патрушев, Хлопин, 2007]. Духовная рискогенность общества нарастает по мере распространения факторов, расшатывающих социальные основы общества – неравенства и социального расслоения, несправедливого распределения благ, коррупции, растущей атомизации общества, непонимания между гражданами и властью, и особенно – его культурно-нравственных основ, что проявляется в духов-

но-нравственной деградации, засилье массовой культуры, снижении уровня образованности, общей культуры [Беспаленко, 2006; Шевченко, Тихоновскова, 2018]. Рассуждения о духовной безопасности часто носят алармистский характер. Исследователи отмечают, что в современной России сформировались «глубокое недоверие людей друг к другу, к коллективным действиям и общественным институтам, включая институты власти, индивидуализация жизненных практик, низкие соучастие и взаимопомощь» [Самыгин, Верещагина, 2011]. Нередко встречаются мнения, что сложившаяся в обществе социальная ситуация несёт в себе большой негативный потенциал, связанный с девальвацией духовных ценностей, критическим снижением уровня общей культуры и нравственности в стране. При этом Россия пытается решить проблему обеспечения духовной безопасности страны на законодательном уровне, рассматривая её как значимый элемент национальной безопасности [Тонконогов, 2011].

Таким образом, понятие «духовной безопасности» отражает функционирование всех систем духовного жизнеобеспечения человека, семьи, социальных групп и слоёв общества, удовлетворение разносторонних духовных потребностей при максимально возможной гармонизации взаимоотношений человека и общества. Как обобщает Р. Яновский, духовная безопасность представляет всеобщую, объёмную, динамичную и системную социальную структуру, в которой ключевую роль играют процессы развития человека, его творческого потенциала, удовлетворение духовных потребностей, выживания и функционирования, адаптации к новым жизненным условиям [Яновский, 1995]. Одновременно с этим происходит «переоткрытие», переосмысление термина «духовность» в контексте анализа религиозной ситуации, религиозного сознания и поведения, социокультурных изменений и трансформации религиозных институтов [Руткевич, 2014].

С позиций социологического подхода объектом духовной безопасности выступают духовные отношения: представления, идеи, чувства, оценки, установки и связи между людьми, возникающие в процессе (по поводу) восприятия мира в целом, природы, личного и общественного бытия, тогда как предметом эмпирического анализа выступает духовная жизнь личности, общества и власти, представляющая собой их реально функционирующее практическое сознание, рассматриваемое в связи с деятельностью по производству, распространению и потреблению духовно-нравственных ценностей.

Современные исследователи отмечают, что особую остроту проблемы формирования религиозной и духовной безопасности приобретают в приграничных территориях, располагающихся «на стыке» географических, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных зон [Иличев, 2014; Михель, 2016]. При этом границы рассматриваются не столько как феномен физического или политического пространства, но и как одна из характеристик, обуславливающая определённую специфику территории, его социокультурное своеобразие. Целью статьи является выявление характеристик взаимосвязи между оценками уровня духовной безопасности и состоянием религиозности в условиях российского (сибирского) приграничья. Как оценивает население приграничных регионов свою духовную безопасность и как эти оценки коррелируют с социальным самочувствием и обобщёнными оценками защищённости? Какие угрозы духовной безопасности являются наиболее значимыми, и как показатели духовной безопасности связаны с уровнем религиозности? Авторы пытаются дать ответы на эти вопросы на основе анализа результатов социологических опросов населения в четырёх приграничных регионах России. Таким образом, статья продолжает научные дискуссии о взаимосвязи между религией и безопасностью, религиозностью и духовностью, разворачивая их плоскость индивидуальных представлений, опосредованных, с одной стороны, индивидуальным опытом и практиками, с другой – воспринимаемыми как внешние негативными явлениями духовной жизни. Опираясь на актуальные данные, авторы приводят доказательства наличия в общественном сознании определённых паттернов угроз духовной безопасности, формируемых в информационном поле и транслируемых через механизмы социального влияния. Эти паттерны имеют не только общие черты, формирующие социальные стереотипы восприятия духовной сферы, но и специфические отличия, определяемые религиозными детерминантами.

Организационно-методические основы исследования

Информационно-эмпирическую основу исследования составили результаты социологических опросов населения, проживающих в приграничных регионах России. Выбор регионов определялся критериями географической близости и, одновременно, конфессионального разнообразия, которое априори определялось исходя из показателей этнического состава населения. Авторам было важно сравнить регионы с различными религиозными и этнокультурными ландшафтами, репрезентирующими историко-культурную среду обитания конкретных народов, и при этом остаться в рамках одной зоны приграничья для того, чтобы исключить слишком большое влияние географического положения. В конечном итоге в качестве исследовательских площадок были определены Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай и Республика Тыва.

Сбор эмпирических данных проводился в мае-ноябре 2022 года с помощью онлайн и офлайн методов (анкетирование в электронном формате и личные интервью, $n=400$ в каждом регионе) с контролем социально-демографических параметров генеральной совокупности, включающей взрослое население регионов в возрасте от 18 до 70 лет.

Для решения задач исследования был разработан стандартизированный инструментарий, включающий показатели ценностных ориентаций и мировоззренческих позиций, религиозной идентификации и практик, оценок этноконфессиональных отношений и духовной безопасности. Безопасность оценивалась через порядковые шкалы, измеряющие защищённость респондента в духовном плане (четырёхбалльная шкала, варианты ответа от «Полностью защищённым(ной)» (1) до «Очень сильно уязвимым(мой)» (4)), которые сопоставлялись с обобщёнными оценками личной безопасности (вопрос анкеты «Насколько Вы в целом ощущаете себя в безопасности?» (четырёхбалльная шкала, от «полностью ощущаю себя в безопасности» (1) до «Совсем не ощущаю себя в безопасности» (4)), и оценками социальных настроений (вопрос анкеты «Как бы Вы описали своё состояние, ощущения в последнее время? с пятью вариантами ответа, варьировавшими от «чувствую прилив духовных и физических сил, духовной энергии» до «чувствую безысходность своего положения, апатию, потерю смысла жизни»). Дополнительно к самооценке респонденты отвечали на вопрос о наиболее значимых угрозах духовной безопасности России, выбирая не более пяти ответов из предложенного списка из 17 угроз, составленного на основе анализа экспертных мнений и научных источников.

Оценка религиозности проводилась с помощью шкалы центральности религиозности Хубера (CRS-20 – вариант для поликонфессиональной аудитории) [Huber, Huber 2012], адаптированной для различных стран, в том числе и для России [Prutskova, 2020], и позволяющей оценить степень важности религиозности для индивида и описать репертуар её внутренних духовных и внешних инструментальных проявлений.

Показатели безопасности оценивались изолированно и совместно с оценками религиозности для уточнения направленности и содержательных характеристик взаимосвязей между ними. Далее, на основе кластерного анализа было сформировано три группы респондентов, имеющих высокие, средние и низкие показатели безопасности, включая духовную составляющую, которые вместе с групповыми показателями религиозности использовались для сравнения оценок угроз безопасности. Заключительным этапом анализа стало выявление комплексов ассоциативных правил, позволяющих визуализировать типичные паттерны выбора угроз духовной безопасности в зависимости от выраженности индивидуальных проявлений религиозности.

Результаты исследования

Духовная безопасность как коррелят социального самочувствия и личной безопасности населения приграничных регионов

Учитывая сложность, глубину и динамизм социальных потрясений, охвативших Россию в последние годы и приведших к перенастройке всех социальных систем, логично предположить, что безопасность и сохранение жизни будут являться наиболее значимыми ценностями, защита которых имеет характер онто-

логических императивов, управляющих умонастроениями жителей приграничных регионов. Действительно, анализ ценностных ориентаций показал, что наиболее значимой ценностью является здоровье, что отмечалось 70%¹ респондентов. Между тем, дальнейшее рассмотрение ценностей выявило, что второе и последующие места занимали не охранительные позиции, а традиционные для российских граждан ценности семейного благополучия (48,0% выборов), образования, саморазвития и получения новых знаний (40,9% выборов), материальной обеспеченности (39,5% выборов). Личная безопасность, безопасность близких людей, а также общественная безопасность, отсутствие военной и других угроз стране не являлись релевантными для населения приграничья и занимали только седьмую и девятую строчки списка (с 27,6% и 18,6%), что в актуальных условиях указывало на достаточно высокий уровень воспринимаемой защищённости и уверенность в неприкосновенности личных и государственных границ.

Ответы по отдельным шкалам безопасности частично резонировали с отмеченными тенденциями. На вопрос о том, насколько они в целом ощущают себя в безопасности, 48,3% опрошенных указали, что «скорее ощущают» себя в безопасности, тогда как около пятой части (22,2%) – полностью ощущают себя в безопасности, что в совокупности дало 70,5% положительных оценок. Между тем, практически каждый третий житель испытывал тревогу относительно собственной безопасности: почти четверть жителей (23,5%) отмечали, что чувствуют себя не совсем защищёнными, открыто о своей уязвимости заявляли 6,0% участников исследования.

Оценки духовной безопасности были более оптимистичными: 83,6% опрошенных ощущали себя в той или иной степени защищёнными в духовном плане, тогда как на духовную уязвимость указывали 16,4% респондентов, в том числе 2,5% из них находились в крайне неблагоприятном духовном состоянии.

Среди наиболее фрустрированных категорий населения отметим граждан старше 30 лет, лиц, имеющих высшее образование (в особенности по сравнению с имеющими среднее профессиональное образование), а среди социально-профессиональных групп – специалистов с высшим образованием, реже других групп ощущавших полную безопасность, и незанятых граждан, чья объективная социальная незащищённость сопровождалась низкими оценками личной безопасности². Что касается региональных отличий, то, при сохранении общих тенденций, в регионах с более высоким уровнем урбанизации и плотности населения (Новосибирская область, Алтайский край) жители реже ощущали себя в полной безопасности – они в среднем давали на 10–14% меньше положительных ответов, тогда как жители национальных республик чувствовали себя более защищёнными, в том числе в отношении духовной безопасности.

Высокий уровень обеспечения безопасности социальной среды является важным фактором поддержания социального самочувствия населения. Исследование показало, что безопасность граждан отражается на характере их социальных настроений и самочувствия, и, по данным корреляционного анализа, все показатели безопасности – личной, духовной и социальной, – положительно и статистически достоверно связаны друг с другом (τ -b Кендалла = 0,42, $p < 0,01$). В целом, 77,2% опрошенных имели положительные настроения, из них почти половина (48,7%) оценивали состояние как «нормальное», 19,3% – испытывали «состояние душевной гармонии и спокойствия», почти каждый десятый респондент (9,2%) – чувствовал прилив духовных и физических сил, духовной энергии. По поводу последней категории отметим, что половина её состава была представлена молодыми людьми до 30 лет, среди которых доля «энергетически заряженных» вдвое (14,3%) превышала соответствующие показатели среди представителей старшего возраста (5,5–7,5% среди 30–49-летних и 50–70-летних). Ещё одной группой лиц, демонстрирующих положительный эмоциональный настрой, стали неквалифицированные работники, среди которых уровень духовного подъёма был на 7,7 п. п. выше, чем в среднем по выборке. Независимо от возраста доля ощущающих прилив физических и душевных сил была достоверно выше среди проживающих в Республике Алтай, считающейся духовной «Меккой» и «местом силы», притягивающим к себе адептов различных духовных и культурных течений со всего света (среди молодёжи до 30

лет доля людей, давших такой ответ, составила 24,1%, в других регионах – не выше 14%, среди лиц старшего возраста – 13,9%, в других регионах – не выше 6%, среди старшего поколения – различия не значимы).

Несмотря на относительное благополучие, более пятой части жителей приграничных регионов испытывали негативные эмоции: 18,8% опрошенных ощущали эмоциональное напряжение, раздражение и беспокойство, 4,0% – находились в депрессивном состоянии, для которого характерны апатия, отсутствие интереса к жизни, потеря её смысла. Принадлежность к последней группе не имела чётких социально-демографических и социо-профессиональных маркеров, количество пессимистично настроенных граждан было равномерно распределено по всем регионам с незначительным преобладанием в Новосибирской области (5,8%) и снижением в Республиках Тыва (3,1%) и Алтай (3,4%).

В результате сопоставления трёх показателей безопасности в рамках кластерного анализа (двухэтапный кластерный анализ, силуэтная мера связности 0,5) было выделено три группы. Первый кластер охватил 28,9% участников исследования, его основными характеристиками (табл. 1) являлись высокие оценки личной безопасности, 100%-ая защищённость в духовной сфере (по субъективной неверифицируемой самооценке), положительные социальные настроения и отсутствие негативных эмоций (тревоги, напряжения, безысходности). Это самый благополучный кластер, в котором отмечались не просто защищённость от угроз, но и состояние эффективной самореализации и использования возможностей для решения жизненных целей. Второй кластер (41,1%) также имел высокие показатели безопасности, однако, в отличие от первого кластера, являлся скорее кластером стабильности, чем созидания: здесь были максимальны позиции граждан, которые чувствовали себя «нормально», а также ощущали себя в безопасности, и наблюдалась наименьшая доля тех, кто испытывает крайне негативные чувства (0,1%).

Третий кластер (30,0%) отличался от остальных негативными оценками безопасности и защищённости, пессимистическими социальными настроениями. Сравнительный анализ по социально-демографическим и экономическим показателям выявил, что в первые два кластера чаще попадали мужчины, тогда как доля женщин была примерно равной в разных кластерах (различия статистически не значимы), что в третьем кластере было существенно меньше молодёжи, а также то, что разделение по кластером имело привязку к экономическим индикаторам: если в первом кластере было достоверно больше лиц с высокими показателями благосостояния (38,8% считающих себя обеспеченными, имеющими накопления), во втором – представителей условного «среднего класса» (60,4% оценили себя как «средняки»), то в третьем – было максимальное количество относящих себя к крайне бедным (1,6%, в других кластерах не выше 1,0%) и бедным (12,8%, в других кластерах не выше 5,4%). Интересны различия, выявленные по характеристикам занятости: в первых двух кластерах оказалось гораздо больше руководителей и предпринимателей (13,8–16,8%, в третьем – 9,2%), тогда как в третьем – наёмных работников с высшим образованием (54,2%, в первых двух – 41,9–44,8%). Представленность кластеров по регионам оказалось сопоставимой, наиболее чувствительным к различиям оказался первый кластер, численность которого была достоверно выше в Республике Алтай (34,1%), и минимальной в Алтайском крае (23,8%). Таким образом, с одной стороны, опросы показали, что по средним показателям личной, духовной безопасности и социальных настроений приграничные регионы являлись относительно благополучными, доли граждан с высокими проявлениями уязвимости оказались практически идентичными для двух групп регионов – 26–27% для национальных республик и около 33% для Алтайского края и Новосибирской области. Учитывая, что регионы объективно различались по экономическим показателям, различия в распределении кластеров свидетельствовали в пользу того, что экономические характеристики, хотя и являлись дифференцирующими, не имели региональной специфики. Субъективные оценки жителей были более благоприятными в регионах с меньшими экономическими возможностями, и, значит, безопасность определялась более широким кругом детерминант, не сводимых к инфраструктуре, индустриальному развитию, финансовому благополучию или комплексу социальных услуг. Очевидно, что соци-

окультурные, социально-психологические детерминанты, характеристики ментальности, в том числе духовно-религиозного содержания являлись не менее важными, что предстоит доказать на следующих этапах анализа.

Таблица 1. Результаты кластерного анализа по показателям безопасности*

Характеристики кластера	Кластер		
	1	2	3
Доля ощущающих себя в безопасности	90,7 _a	99,3_b	13,1 _c
Доля защищённых в духовном плане	100,0	96,5	50,5
Чувствую прилив духовных и физических сил, духовной энергии	23,2_a	5,5 _b	1,0 _c
Ощущаю состояние душевной гармонии, спокойствие	30,2_a	21,5 _b	6,2 _c
Чувствую себя относительно нормально	40,0 _a	59,7_b	40,8 _a
Испытываю эмоциональное напряжение, раздражение, беспокойство	5,4 _a	13,1 _b	39,8_c
Чувствую безысходность своего положения, апатию, потерю смысла жизни	1,2 _a	0,1 _b	12,3_c
Пол (мужской)	33,8_b	37,8_b	28,4 _a
Возраст (до 30 лет)	38,4_a	32,0 _{a,b}	28,8 _b
Самооценка материального положения («Живу очень бедно, фактически голодаю»)	1,0 _{a,b}	0,3 _b	1,6_a
Самооценка материального положения («Живу бедно, денег хватает только на скромное питание, ЖКХ»)	4,2 _a	5,4 _a	12,8_b
Самооценка материального положения («Живу средне, денег хватает на питание, недорогую одежду»)	51,6 _a	60,4_b	58,7 _{a,b}
Самооценка материального положения («Живу достаточно обеспеченно (есть денежные накопления)»)	38,8_a	31,6 _b	24,4 _c
Занятость (Руководители, предприниматели)	16,8_a	13,8 _a	9,2 _b
Занятость (Специалисты с высшим образованием)	41,9 _a	44,8 _a	54,2_b
Алтайский край	23,8 _a	43,5 _a	32,7 _a
Республика Алтай	34,1_b	38,7 _a	27,2 _a
Республика Тыва	27,3 _{a,b}	47,0 _a	25,7 _a
Новосибирская область	29,5 _{a,b}	37,9 _a	32,6 _a

* Индекс в ячейке указывает на значимость различий в пропорциях столбцов (z-критерий с поправками Бонферрони на множественные сравнения), полужирным начертанием выделены максимальные, а курсивом – минимальные значения по каждой строке.

Религиозность как детерминанта духовной безопасности: особенности самоидентификации в условиях многоконфессиональности

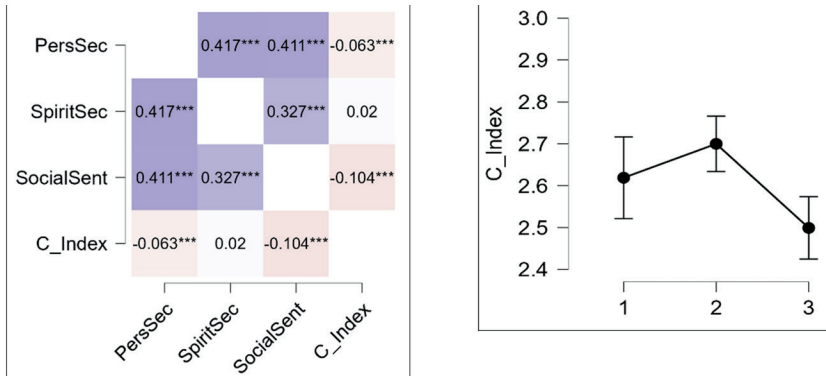
Актуальная конфессиональная ситуация в приграничных регионах Южной и Юго-Западной Сибири характеризуется, с одной стороны, ревитализацией религиозного сознания и усложнением межконфессиональных отношений, в том числе по причине активизации миграционного фактора [Анжиганова, 2016], с другой – аморфностью и разнообразием религиозных представлений, частым несовпадением религиозных идентификаций и объективных характеристик религиозного поведения [Жигунова, 2020]. Национальные республики исторически складывались как полиэтнические, где проживали алтайцы, тувинцы, казахи, русские и другие народы,

и как изначально поликонфессиональные, где смешивались различные ответвления христианства, мусульманства, буддизма, традиционные верования (шаманизм, тенгрианство, языческие культы) [Екеева, 2013; Дашковский, Шершнева, Бичелдей, 2021]. В «русских» регионах региональная сфера находится под существенным влиянием ведущей религиозной организации – Русской православной церкви, однако, религиозную палитру дополняют и другие православные (старообрядчество) и христианские (христиане-баптисты, меннониты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня, католики, лютеране) организации, новые религиозные движения и организации неориентального толка, активизировавшиеся в результате формирования особого культурно-бытового уклада жизни, добровольных и принудительных переселений, освоения Сибири, советских и постсоветских идеологических и культурных трансформаций [Насонов, 2013].

Результаты анализа религиозных идентификаций в целом соответствовали данному описанию. На вопрос о религиозной принадлежности 71% жителей Алтайского края ответили, что считают себя сторонниками православия, 9,7% – являлись мусульманами, по 3,2% – были сторонниками других христианских конфессий (католичества, протестантизма, баптизма и др.) или буддизма, оставшиеся варианты ответа указывали на принадлежность к другим религиям или философско-религиозным учениям. Не считали себя верующими 3,2% опрошенных. В Новосибирской области доля православных составила 80,0%, других христианских конфессий – 6,7%, оставшиеся опрошенные равномерно распределялись по категориям буддизма, новых религиозных верований, неопределённой религиозности. В Республике Алтай православными являлись 56,9%, 17,6% принадлежали к мусульманской религии, 11,8% исповедовали «алтайскую веру». В Республике Тыва 57,7% респондентов идентифицировали себя как буддисты, 15,4% – практиковали сочетание буддизма и шаманизма, 11,5% – были православными, 7,7% – неправославными христианами, 3,8% – последователями шаманизма (оставшиеся имели неопределённые представления или принадлежали к другим религиям).

Результаты анализа по индексу CRS показали, что в общей совокупности жителям приграничных регионов присущ средний уровень религиозности (среднее значение 2,62, SD=0,93). После распределения по группам низкий уровень (1 до 2 баллов) религиозности был выявлен у 31,1% опрошенных, средний уровень (от 2,06 до 3,94 баллов) – у 60,4%, высокий (от 4 до 5 баллов) – у 8,5%, что близко к результатам исследования воцерковлённости среди православных верующих [Богатова, 2011]. Уровень религиозности был достоверно более низким в Новосибирской области (2,34) и высоким – в Республике Тыва (2,95), различия между другими регионами лежали в пределах статистической погрешности (ANOVA, post-hoc tests, $p < 0,05$). Межконфессиональные сравнения в зависимости от идентификации выявили значительную вариабельность оценок, указывающую на сниженные показатели религиозности у православных, буддистов, последователей шаманизма, бурханизма (3–13%) по сравнению с неправославными христианскими деноминациями, новыми религиозными верованиями и исламом (22–33%), что может быть связано как с различиями между формально декларируемой и реализуемой идентичностью в разных религиях, так и с особенностями функционирования, валидности и надёжности индекса религиозности в условиях поликонфессионального использования.

При сравнении исходных оценок безопасности и религиозности было выявлено, что корреляция между ними в целом невысока (илл. 1 слева, отрицательный знак отражает особенности кодировки и не несёт смысловой нагрузки) и максимальна (0,1) с показателями социальных настроений. Сравнение средних значений религиозности по кластерам на основе дисперсионного анализа показало, что уровень религиозности в третьем кластере (2,5) был достоверно ниже, чем во втором (2,7), выступавшем, напомним, эталоном гармоничного, спокойного состояния с высоким уровнем безопасности (илл. 1 справа). Различия между третьим и первым кластером не являлись статистически значимыми. Таким образом, по меньшей мере на уровне тенденции можно заключить, что религиозность ассоциировалась с «нормальным» самочувствием, отсутствием травмирующего пессимизма (по сути, принятием жизни такой, какая она есть), что позволяло её рассматривать в качестве механизма,

Илл. 1. Результаты корреляционного анализа исходных показателей безопасности и индекса религиозности по τ -b Кендалла (слева) и сравнения средних значений религиозности в кластерах (ANOVA) (справа).

обеспечивающего психологическую и моральную защиту в условиях неопределённости и социальной турбулентности.

Угрозы духовной безопасности в оценках жителей с разными уровнями безопасности и религиозности: общие тенденции и уникальные паттерны

Как уже было сказано, одной из ключевых задач исследования являлся анализ состояния духовной безопасности, в том числе идентификации угроз, оказывающих дестабилизирующее воздействие на российское общество с позиций жителей приграничных регионов. Рассматривая духовную безопасность в широкой перспективе проявлений «духовного», объединяющей различные интеллектуальные, социальные, культурные явления, противопоставляемые «материальным» и «физическим» объектам и отношениям, авторы предложили участникам исследования репертуар из 17 вариантов, дифференцируемых по различным областям формирования и проявления духовности (культура, наука, образование, религиозная сфера, социальные отношения).

Независимо от региональной принадлежности, жители приграничных регионов выделили следующие негативные тенденции, подрывающие духовные основы российского общества. Прежде всего население было обеспокоено угрозами, связанными с дисфункциональностью института семьи (45,4% ответов, вопрос с множественным выбором), проявляющимися в разрушении семейных связей и традиций, отказе от семьи и выборе индивидуальных жизненных траекторий и альтернативных форм супружеских отношений, ухудшении отношений между членами семьи и распадом семей (как известно, в России распадается до 70% браков³), что согласовывалось с позициями руководства государства, приоритетами национальной безопасности и принимаемыми решениями в области семейной и культурной политики. Аналогичная доля респондентов (45,4%) видела утрату духовности в противоречиях социально-экономического развития, отсутствии социальной справедливости и, как следствие, высокому уровню социального неравенства и поляризации между элитами и наименее защищёнными слоями общества. На третьем месте (44,2%) – равнодушие и безответственность членов общества, отражающие процессы растущей аномии, индивидуализации и потерю нормативных и культурных ориентиров, предписывающий заботу не только о личном, но и общественном благополучии. Почти столько же (42,6%) – указали на деградацию общей культуры, снижение уровня образованности и интеллектуального уровня граждан. От 20 до 40% опрошенных граждан обозначили проблемы низкого качества образования и школьного воспитания, домашнего и семейного насилия, а также в целом – преступности и криминализации общества, выразили тревогу относительно идеологического кризиса, отсутствия национальной идеи и сплочённости граждан, отметили выраженность ценностного раскола, отсутствия единства по важным вопросам, связанным с развитием страны, негативного влияния «западных» ценностей, транслируемых через массовую культуру.

Отметим также варианты ответа, которые участники исследования выбирали реже всего, что, напротив, указывало на отсутствие проблем в той или иной области. В частности, только 5,2% респондентов отметили наличие угроз религиозных конфликтов, около 9% – угрозы распространения деструктивных религиозных течений, конфликтов между принимающим населением и мигрантами. Немаловажно, что всё вышеперечисленные позиции имели непосредственное отношение к предмету нашего исследования, и что оценки населения указывали на достаточно высокий уровень благополучия в сфере этноконфессиональных отношений (табл. 2).

Общие тенденции имели некоторую региональную вариабельность. Так, риски безответственного поведения и преступности значительно чаще отмечались жителями Тувы (53,5% и 35%), что объяснялось объективной ситуацией (регион входит в топ-10 российских регионов по уровню преступности). О разрушении семейных ценностей и информационных угрозах со стороны «Запада» чаще волновались жители Республики Алтай (54,4% и 16,1%), тогда как на проблемы качества образования, науки и инновационного развития, культуры, распространённости религиозного фундаментализма указывали жители Новосибирской области (44,7%, 34,8%, 60,9% и 19,4%).

С первичными оценками был проведён сравнительный анализ по кластерам самооценки духовной безопасности и группам выраженности религиозности. По многим позициям различия оказались «зеркальными» (выявлены различия по 11 из 17 альтернатив) и отражали взаимосвязи между вовлечённостью в религиозную жизнь и изменениями в восприятии себя и собственной жизни.

Так, лица, в ответах которых прослеживался средний и высокий уровни безопасности и религиозности, чаще отмечали угрозы разрушения традиционных ценностей, безответственности и равнодушия, влияния «западных ценностей и культуры», информационных угроз со стороны «Запада». Для лиц с низкой религиозностью была присуща тенденция акцентировать внимание на проблемах социального неравенства, деградации общей культуры, домашнего и семейно-бытового насилия (различия только по категориям религиозности), научно-технического развития, расовой и межэтнической нетерпимости (только по категориям безопасности). Таким образом, в зависимости от ключевых показателей исследования вычёрчивались довольно специфичные паттерны угроз, тесно связанных друг с другом.

Таблица 2. Угрозы духовной безопасности в оценках населения с различными уровнями духовной защищённости и религиозности, % выбравших альтернативу (вопрос с множественным выбором)

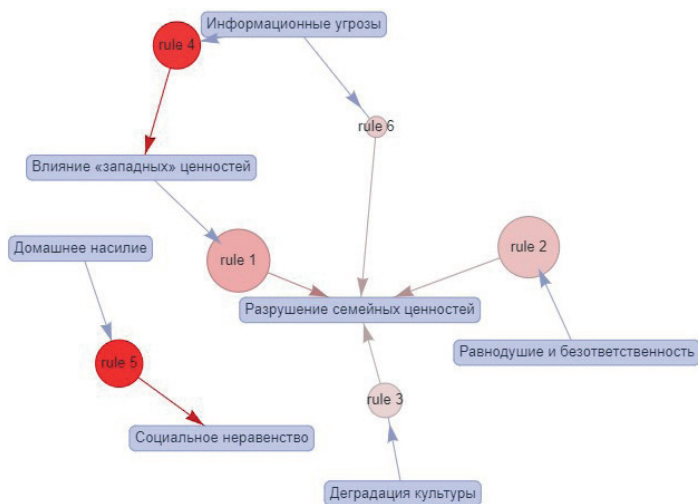
Угрозы безопасности	Всего по выборке	Уровень (кластер) духовной безопасности			Уровень религиозности		
		Высокий	Средний	Низкий	Низкий	Средний	Высокий
Разрушение традиционных семейных ценностей, низкое качество семейного воспитания	45,4	45,8	48,9	41,1	33,0	49,6	60,0
Разрыв между бедными и богатыми, социальное неравенство	45,4	42,1	43,1	50,9	50,2	44,7	36,4
Равнодушие и безответственность людей	44,2	48,1	46,1	38,9	38,7	46,1	51,4

Угрозы безопасности	Всего по выборке	Уровень (клас- стер) духов- ной безопас- ности			Уровень рели- гиозности		
		Высокий	Средний	Низкий	Низкий	Средний	Высокий
Деградация общей культуры, снижение уровня образованности, интеллектуального уровня граждан	42,6	43,1	39,7	44,7	48,7	40,6	35,0
Низкое качество образования, школьного воспитания	38,5	39,4	36,0	41,3	42,7	37,2	33,6
Домашнее, семейно-бытовое насилие	29,4	31,3	26,8	31,3	35,1	27,2	26,4
Влияние «западных» ценностей и массовой культуры	29,4	30,4	35,7	20,4	18,5	32,7	47,1
Рост преступности, криминализация общества	23,3	21,9	21,8	25,3	25,8	22,6	20,0
Ценностный раскол, отсутствие единства по важным вопросам, связанным с развитием страны	21,8	21,3	20,8	24,6	19,5	23,5	18,6
Идеологический кризис, отсутствие национальной идеи, сплочённости граждан	21,7	19,8	24,9	18,6	17,6	23,9	17,9
Упадок науки, технического, инновационного развития	19,0	19,8	12,8	26,1	33,6	13,8	2,9
Расовая и этническая нетерпимость, межнациональная вражда	17,0	17,5	14,4	20,0	18,5	15,6	21,4
Информационные угрозы со стороны «Запада», распространение ложной информации	14,8	13,5	18,3	11,4	9,5	16,5	23,6
Религиозный фундаментализм, экстремизм	11,6	12,1	10,6	11,6	13,7	10,8	9,3
Непонимание и конфликты между коренным населением и мигрантами	8,6	6,7	9,6	8,6	10,3	8,0	7,9
Распространение новых религий, деструктивных религиозных течений и культов	8,6	9,2	8,9	7,6	6,7	8,9	15,0
Противостояние и враждебность между различными религиозными течениями	5,2	5,8	5,1	4,6	4,8	5,1	7,1

* Зелёным цветом обозначены ячейки с максимальными значениями, достоверно отличающиеся по z-критерию и критерию χ^2 . Жёлтым цветом обозначены ячейки с промежуточными значениями, частоты в которых статистически отличаются как от максимальных, так и от минимальных значений.

Для более глубокого анализа связей между индивидуальными выборами мы обратились к возможностям метода ассоциативных правил, применяющегося для анализа торговых транзакций и выявления типичных комбинаций в покупаемых товарах. Этот метод относится к семейству методов дата-майнинга, подходящих для анализа больших объёмов информации и предназначенных для выявления закономерностей на эмпирических данных. Мы применили алгоритм A-rules для языка R, имеющий подробную документацию [Hahsler, Grün, Hornik, 2005]. Данные были разделены на три набора, соответствующие высокому, среднему и низкому уровню религиозности. Для каждого набора разрабатывалась совокупность правил, рассчитывающих вероятность совместного выбора вариантов ответа. Рассматривались различные цепочки (от двух до пяти вариантов ответа), но в дальнейшем для наглядности оставлены самые короткие (между двумя вариантами). Из всей совокупности правил выбиралось десять наиболее значимых, оцениваемых по показателям доверия (confidence), поддержки (support) и «подъёма» (lift), указывающего на вероятность «встречи» двух вариантов ответа в одном наблюдении. Дублирующие (инвертированные) правила и правила с «лифтом» менее 1,0 удалялись и для совокупности правил строился граф, визуализирующий ассоциации. Результаты анализа представлены на илл. 2–4.

В центре графа ассоциаций, релевантных для лиц с высокой религиозностью, расположены угрозы семейных ценностей, и именно вокруг семьи выстраиваются связи с другими угрозами. Так, для этой группы типична связь между деградацией семейных ценностей, информационными угрозами, связанными с распространением ложной информации, и влиянием «западной» культуры, а также связь между семьёй и личной ответственностью: отсутствие последней означает фактически, по мнению верующих, разрушение первой, что отражено в догматах большинства традиционных религий (в христианстве семья считается Малой Церковью, образом Церкви Вселенской, в исламе семья – главный источник уважения и любви, супруги несут ответственность за сохранение семьи). Здесь и неявная, но фиксируемая правилами связь между домашним насилием и социальным неравенством (62% респондентов, выбравших первый вариант, выбирали и второй) – явлениями «постыдными», замалчиваемыми и сложно корректируемыми по причине их глубокой укоренённости в обществе.

Илл. 2. Ассоциативные правила по угрозам духовной безопасности для лиц с высоким уровнем религиозности.

У группы лиц со средним уровнем религиозности, напомним, что это около 60% респондентов во всех регионах, угрозы семейным ценностям оказались включены в широкий круг сопоставимых угроз. Важно, что разрушение семейных традиций в этой группе рассматривалось не только как следствие негативного влияния извне, но и как внутренняя проблема, сопряжённая с низким качеством образования и воспитания. Дополнительный блок правил обобщал связь между угрозами социального неравенства, продуцирующих, с одной стороны, рост преступности и криминализацию, с другой, – рост домашнего насилия, с третьей, – ассоциирующихся с недостатком интеллектуально-технического развития и общей культуры (илл. 3).

здоровья, ранее в лучшем случае игнорировавшиеся или понимаемые в негативном ключе [Schieman, Bierman, Ellison, 2013].

Социологические опросы населения в приграничных регионах России подтвердили наличие взаимосвязи между воспринимаемыми безопасностью и духовным благополучием и уровнем религиозности, однако региональные сравнения показали, что высокий уровень социально-экономического развития не только не гарантирует защищённости, но и сопровождается ростом социального неравенства и повышением значимости проблем, связанных с социальной, этнической и конфессиональной разнородностью населения, усиливающими индивидуальный стресс и ощущение уязвимости, вплоть до крайних проявлений. В этом случае жители «маленьких» регионов с национальной спецификой и традиционным укладом жизни оказывались в более благоприятных условиях, способствующих поддержанию духовного «баланса».

Укажем на то, что в проведённом исследовании не ставились задачи поиска объективных критериев духовной безопасности и релевантных им эмпирических индикаторов, вместо этого мы ориентировались на субъективные оценки, показывающие скорее удовлетворённость состоянием защищённости внутреннего мира, реализуемой свободой вероисповедания, отсутствием ограничений на осуществление духовных практик, защищённостью от манипуляций и принуждения. Оценки духовной безопасности, социального самочувствия, включая защищённость от крайних проявлений пессимизма, были выше среди высокорелигиозного населения, однако межконфессиональный анализ показал, что эта связь имела различную силу в разных конфессиях, и что кроме религиозности значительную роль играли и другие факторы – гендерные, поколенческие, социальные.

Жители приграничных регионов продемонстрировали единодушие в оценке ключевых угроз духовной безопасности, связанных с потерями культурного и интеллектуального бэкграунда, необходимого для духовного процветания, социальной несправедливостью и неравным доступом к ресурсам саморазвития, но расходились в частностях, определяемых в том числе религиозным мировоззрением. Выявленные различия и специфические паттерны угроз, релевантные для групп населения с разной религиозностью, описывали конкурирующие в общественном сознании представления об идеальном общественном устройстве и перспективах развития, что само по себе являлось свидетельством определённого раскола во мнениях и необходимости дифференцированной политики, учитывающие ценностные ориентации различных групп населения. Продолжение исследования видится, во-первых, в более глубоком изучении интерконфессиональных различий в проявлении религиозности, взаимосвязи характеристик религиозной ситуации в регионах и духовной безопасности, включая привлечение экспертных систем знания, построения многофакторных моделей взаимосвязи между религиозностью и религиозной идентичностью населения приграничных регионов с различным этническим составом.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022–2023 гг.).

Acknowledgement

The article was prepared as part of Russian Science Foundation project №22-28-01120, “Models of Constructing Religious Identity in Borderland Regions of Russia: Institutional Mechanisms, Strategies, and Practices” (2022–2023).

Библиографический список

1. Анжиганова, Л.В. Этноконфессиональная ситуация в Южной Сибири: социологический аспект исследования / Л.В. Анжиганова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5–2 (47). – С. 81–83.

2. Беспаленко, И.И. Духовная безопасность России: проблемы институционализации в системе национальной безопасности / И.И. Беспаленко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № 5. – С. 61–64.
3. Богатова, О.А. Религиозная самоидентификация и воцерковленность в секулярном обществе (региональные аспекты) / О.А. Богатова // Религиоведение. – 2011. – № 1. – С. 135–143.
4. Дашковский, П.К. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) / П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева, У.П. Бичелдей, А.В. Монгуш // Новые исследования Тувы. – 2021. – №2. – С. 18–34.
5. Екеева, Н.М. Культура и религиозные воззрения народов Республики Алтай / Н.М. Екеева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 130–133.
6. Жигунова, М.А. Религиозный фактор в социокультурных процессах современной Сибири / М.А. Жигунова // Религиозная ситуация в российских регионах Тезисы докладов и сообщений Седьмой всероссийской научно-практической конференции / Отв. за выпуск А.А. Морозов. – Издательство: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 7–10.
7. Жуков, А.В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России / А.В. Жуков // Манускрипт. – 2017. – №12-4 (86). – С. 66–71.
8. Ильичев, И.Е. Конкурентные преимущества и безопасность приграничных регионов России / И.Е. Ильичев // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2014. – № 4. – С. 55–62.
9. Михель, Е.А. Влияние международной миграции населения на безопасность приграничных регионов Северо-западного федерального округа России / Е.А. Михель // Национальная безопасность/nota bene. – 2016. – № 5. – С. 646–651.
10. Насонов, А.А. Механизм распространения мировых религий в Сибири (по материалам территорий современной Кемеровской области и сопредельных регионов) / А.А. Насонов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 112–123.
11. Овчинников, А.И. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении / А.И. Овчинников, М.Д. Фоминская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 7–15.
12. Патрушев, С.В. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России / С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. – Вып. 6. – С. 301–318.
13. Руткевич, Е.Д. «Социология духовности»: проблемы становления / Е.Д. Руткевич // Вестник Института социологии. – 2014. – №2 (9). – С. 36–65.
14. Самыгин, С.И. Духовная безопасность России как основа российской государственности / С.И. Самыгин, А.В. Верещагина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2011. – № 1(2). – С. 13–16.
15. Тонконогов, А.В. Духовная безопасность российского общества в условиях современного геополитического соперничества (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / А.В. Тонконогов; РГСУ. – Москва, 2011. – 393 с.
16. Топчиев, М.С. Проблема конфессиональной безопасности: теоретико-понятийный анализ / М.С.Топчиев // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4(44). – С. 263–270.
17. Шевченко, О.М. Угрозы и риски духовной безопасности современной России / О.М. Шевченко, М.П. Тихоновскова // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7. – №. 1. – С. 161–169.
18. Шустева, А.И. Государственно-конфессиональные отношения в контексте политико-правового обеспечения национальной безопасности / А.И. Шустева // Юрист-Правоведь. – 2008. – №4. – С. 129–130.
19. Яновский, Р.Г. Духовно-нравственная безопасность России / Р.Г. Яновский // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 39–47.
20. Ano, G.G. Religious coping and psychological adjustment to stress: A meta-analysis / Ano G.G., Vasconcelles E.B. // Journal of clinical psychology. – 2005. – No 61(4). – P. 461–480.
21. Bakar, O.B. Religion and security: the new nexus in international relations / O.B. Bakar, M.T. Brauch, J.B. Elshtain, M. Gopin, C.A. Hall, K.J. Hasson, J. White. – New York: Sheed & Ward, 2004. – 216 p.
22. Goldewijk, B.K. New Wars and the State: The Nexus Religion-Human Security / G. Frerks, B. Klein Goldewijk (Eds.) // Human Security and International Insecurity. – Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2007. – P. 65–95.
23. Hahsler, M. Arules – A computational environment for mining association rules and frequent item sets / M. Hahsler, B. Grün, K. Hornik // Journal of statistical software. – 2005. – No. 14. – P. 1–25.
24. Huber, S. The centrality of religiosity scale (CRS) / S. Huber, O.W. Huber // Religions. – 2012. – No. 3. – P. 710–724.

25. Kirton, G. *The Dynamics of Managing Diversity and Inclusion: A Critical Approach* / G. Kirton, A.M. Greene. – Routledge, 2021. – 370 p.
26. Prutskova, E. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia [Электронный ресурс] / E. Prutskova // *Religions*. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.3390/rel12010015> (дата обращения 15.11.2023).
27. Sauer, B. Headscarf regimes in Europe: Diversity policies at the intersection of gender, culture and religion / B. Sauer // *Comparative European Politics*. – 2009. – No. 7(1). – P. 75–94.
28. Schieman, S. Religion and mental health / S. Schieman, A. Bierman, C. G. Ellison // *Handbook of the sociology of mental health*. – Springer, Dordrecht, 2013. – P. 457–478.
29. Seiple, C. *The Routledge handbook of religion and security* / C. Seiple, D. Hoover, P. Otis. – Oxford: Routledge, 2013. – 292 p.
30. Smock, D.R. *Religious contributions to peacemaking: When religion brings peace, not war* / D.R. Smock. – US Institute of Peace, 2006. – 45 p.

Текст поступил в редакцию 06.09.2023.

Принят к печати 03.10.2023.

Опубликован 27.06.2024.

¹ Здесь и далее приводятся относительные частоты (проценты) по ответившим на вопрос. Доля пропущенных значений по всей выборке не превышает 5%.

² По данным сравнения таблиц сопряженности, значимость отличий оценивалась на основе критерия хи-квадрат и z-критерия для сравнения пропорций по столбцам.

³ Число зарегистрированных разводов (оперативные данные). URL: <https://fedstat.ru/indicator/33554>.

References

1. Ano G.G., Vasconcelles E.B. Religious Coping and Psychological Adjustment to Stress: A Meta-Analysis. *Journal of clinical psychology*. 2005, no. 61 (4), pp. 461–480.
2. Anzhiganova L.V. *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. 2016, no. 5–2 (47), pp. 81–83 (in Russian).
3. Bakar O.B., Brauch M.T., Elshtain J.B., et al. *Religion and Security: The New Nexus in International Relations*. Sheed & Ward, 2004, 216 p.
4. Bespalenko I.I. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. North-Caucasus region. Social Sciences]. 2006, no. 5, pp. 61–64 (in Russian).
5. Bogatova O.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011, no. 1, pp. 135–143 (in Russian).
6. Dashkovsky P.K., Shershneva E.A., Bichelday U.P., Mongush A.V. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2021, no. 2, pp. 18–34 (in Russian).
7. Ekeeva N.M. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2013, no. 3 (23), pp. 130–133 (in Russian).
8. Goldewijk B.K. New Wars and the State: The Nexus Religion-Human Security. In G. Frerks, B. Klein Goldewijk (Eds.). *Human Security and International Insecurity*. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2007, pp. 65–95.
9. Hahsler M., Grün B., Hornik K. Arules-A Computational Environment for Mining Association Rules and Frequent Item Sets. *Journal of Statistical Software*. 2005, no. 14, pp. 1–25.
10. Huber S., Huber O.W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS). *Religions*. 2012, no. 3(3), pp. 710–724.
11. Ilyichev I.E. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* [Problems of law enforcement]. 2014, no. 4, pp. 55–62 (in Russian).
12. Kirton G., Greene A.M. *The Dynamics of Managing Diversity and Inclusion: A Critical Approach*. Routledge, 2021, 370 p.
13. Mikhel E.A. *Natsional'naya bezopasnost'/nota bene* [National security/nota bene]. 2016, no. 5, pp. 646–651 (in Russian).
14. Nasonov A.A. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2013, no. 23, pp. 112–123 (in Russian).
15. Ovchinnikov A.I., Fominskaya M.D. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasus Legal Bulletin]. 2014, no. 3, pp. 7–15 (in Russian).
16. Patrushev S.V., Khlopov A.D. *Rossiya reformiruyushchayasya: razhegodnik* [Russia under reforms: yearbook]. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Institute of sociology RAS, 2007, pp. 301–318 (in Russian).
17. Prutskova E. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia. *Religions*. 2021, no. 12, 15. Available at: <https://doi.org/10.3390/rel12010015> (accessed on November 15, 2023).
18. Rutkevich E.D. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2014, no. 2(9), pp. 36–65 (in Russian).

19. Samygin S.I., Vereshchagina A.V. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2011, no. 1(2), pp. 13–16 (in Russian).
20. Sauer B. Headscarf regimes in Europe: Diversity policies at the intersection of gender, culture and religion. *Comparative European Politics*, 2009, vol. 1, no. 7, pp. 75–94.
21. Schieman S., Bierman A., Ellison C.G. *Religion and mental health*. Handbook of the sociology of mental health Springer. Dordrecht, 2013, pp. 457–478.
22. Seiple C., Hoover D., Otis P. *The Routledge Handbook of Religion and Security*. Oxford: Routledge, 2013, 295 p.
23. Shevchenko O.M., Tikhonovskova M.P. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. 2018, no. 7 (1), pp. 161–169 (in Russian).
24. Shusteva A.I. *Yurist-Pravover* [Upright Lawyer]. 2008, no. 4, pp. 129–130 (In Russian).
25. Smock D.R. (Ed.). *Religious Contributions to Peacemaking: When Religion Brings Peace, Not War*. US Institute of Peace, 2006, 45 p.
26. Tonkonogov A.V. *Duhovnaja bezopasnost' rossijskogo obshhestva v uslovijah sovremennogo geopoliticheskogo sopernichestva (social'no-filosofskij analiz)*. *Diss. d-ra filos. nauk*. [Spiritual security of the Russian society in the conditions of modern geopolitical rivalry (socio-philosophical analysis). Doctoral thesis in Philosophy]. Moscow, 2011, 393 p. (in Russian).
27. Topchiev M.S. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies]. 2012, no. 4(44), pp. 263–270 (in Russian).
28. Yanovsky R.G. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1995, no. 12, pp. 39–47 (in Russian).
29. Zhigunova M.A. *Religioznaya situatsiya v rossiyskikh regionakh. Tezisy dokladov i soobshhenij Sed'moj vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Religious situation in Russian regions. Theses of reports and messages of the Seventh All-Russian Scientific-Practical Conference]. Omsk: the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020, pp. 7–10 (in Russian).
30. Zhukov A.V. *Manuskript* [Manuscript]. 2017, no. 12–4 (86), pp. 66–71 (in Russian).

Submitted for publication: September 06, 2023.

Accepted for publication: October 03, 2023.

Published: June 27, 2024.